

Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик, Б. Н. Ковалев

**ДЕТИ И ВОЙНА:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОККУПАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(1941–1944 гг.)***

У войны нет лица, нет пола, национальности, возраста. По отношению к детству привычны эпитеты: «счастливое», «беззаботное», «радостное», «безоблачное». В связи с Великой Отечественной войной появились другие: «военное» детство, «голодное», «обречённое», «потерянное».

Советские дети стали объектом оккупационной террористической политики. Наравне со взрослыми они терпели лишения, защищали, стреляли, попадали в плен, жертвуя собственными жизнями. В тылу и на линии фронта они каждый день совершали свой маленький подвиг.

Оккупация Ленинградской области явилась особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной, продолжавшейся с августа 1941 до середины 1944 гг. Несколько десятков тысяч маленьких ленинградцев оказались на оккупированной врагом территории.

«В апреле 1941 года меня, пятилетнюю, отправили на лето с няней Матреной Ивановной, как обычно, на ее родину в псковскую деревню Ягодно, где жила ее младшая сестра Наталья Ивановна с тремя детьми: Петей, Колей и Машей. Там, за Лугой, и застала нас война» — вспоминала Е. В. Ананьева (Ковалевская)¹. Н. М. Цыганов запомнил начало войны следующим образом: «в 1941 году я окончил 7 классов 26-й ленинградской школы и вместе с младшими сестрами Женей и Шурой поехал на каникулы к бабушке Ирине Васильевне в деревню Заборовье возле Гдова. А через 10 дней началась война...»².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

В июле 1941 г. более 160 тысяч детей были эвакуированы в южные районы Ленинградской области, которые включали в себя территорию нынешних Новгородской и Псковской областей, поскольку считалось, что они наиболее безопасны, а главная опасность городу исходит со стороны Финляндии³. На юге от Ленинграда находились традиционные места отдыха, детские лагеря и дачи. Как правило, под размещение юных ленинградцев отводили сельские школы, а если их не хватало, то селили в избах-читальнях и в домах местных жителей. И организаторы эвакуации, и родители были уверены, что дети быстро вернуться. Поэтому и набор вещей, которые те брали, был небольшим. Взятые с собой зимнее пальто могло грозить обвинениями в паникерстве.

Но вышло так, что тысячи маленьких ленинградцев оказались прямо рядом с линией фронта. Там они фактически попадают в хаос войны, под вражеские обстрелы. В первый же день массовой эвакуации, 29 июня, десятью эшелонами (семь с Московского вокзала, два — с Витебского, один — с Варшавского) отправили 15 192 ребенка.

Уже со 2 июля 1941 г. немецкие самолеты стали наносить авиаудары по железным дорогам и станциям Ленинградской области. Таковыми были Лычково, Боровенка, Старая Русса и многие другие. Немецкая авиация господствовала в воздухе, станции и эшелоны оказались беззащитными.

13 июля 1941 г. вражеские самолеты обстреляли идущий в Ленинград детский эшелон вблизи станции Боровенка. Более всего известен эпизод в Лычково, который стал символом трагедии ленинградских детей, попавших под фашистские бомбы еще до начала блокады. Трагедия в Лычково произошла 18 июля 1941 г. Станция подверглась налёту немецкой авиации. Одиночный немецкий бомбардировщик сбросил на железнодорожную станцию около 25 бомб. Фронт находился отсюда всего в 150 километрах, на станции были и воинские эшелоны, и составы с техникой и горючим. Для немецких лётчиков детский эшелон был такой же целью, как и все остальные.

«Это был воскресный день, в Ленинграде стояла прохладная, но солнечная погода, и мои детские взоры были направлены в чистое небо, откуда могли появиться немецкие самолеты, они в этот день уже бомбили Киев, Минск... С первых дней войны город готовился к защите от вражеских налетов. Оборудовали бомбоубежища, чистили от хлама чердаки, заносили туда все, чем можно бороться с зажигательными бомбами, заклеивали стекла окон полосками бумаги крест-накрест. С вечера на ночь поднимали в небо над городом множество аэростатов. Но главное — началась эвакуация, и в первую очередь детей — дошкольников и школьников. Уезжали мы с Витебского вокзала пассажирским поездом.

Повезли нас, ленинградских детей, на юг от города в район Старой Руссы. Как оказалось потом — навстречу наступающим немцам. Конечно, тогда об этом не предполагали ни мы, дети, ни взрослые... Помню, поезд тронулся, мама, ускоряя шаг, шла рядом с вагоном, приложив маленькую ладонь к стеклу окна и что-то говорила. Я тоже приложил руку к стеклу, так мы распрощались, не зная, надолго ли... 18 июля утром за нами приехали несколько машин и стареньких автобусов... Повезли нас по лесной пыльной дороге на станцию Лычково. Навстречу шли машины, груженные зелеными ящиками со снарядами и авиабомбами... На станции было много детей разных возрастов. На втором пути стоял санитарный поезд из пассажирских вагонов с красными крестами в белом кругу. На первый крайний путь пришел поезд из товарных вагонов с пыхтящим паровозом. И пошла команда: "Начать грузить вещи". Раскрыли широкие двери вагона, и я в числе еще нескольких мальчишек залезли в вагон, чтобы укладывать вещевые мешки под нары... Когда я подошел к дверям за очередным мешком, услышал, что кто-то кричит: "Самолет, бомбы!". Взгляд в небо. Точно! В безоблачном небе немного правее от нас летит высоко самолет, а сзади от него отделяются черные точки. Бомбы! Их уже было около десятка. Я видел, как они летят... Спрыгнул вниз из вагона и лежал где-то между ним и кучей наших вещей. Свист летящих бомб, разрывы, чем-то ударило меня по спине, оставив надолго пожелтевший синяк справа под лопаткой, а потом, когда взрывы закончились, неимоверный крик от пережитого ужаса, плач, куда-то бегущих детей и взрослых, раненых и что-то в проводах, похоже, это были куски детских тел. Там пальтишки и ботинки, кровь... Самолет спустился низко и несколько раз, заходя на станцию, расстреливал бегущих детей из пулеметов. Самолет был так низко, что мне казалось, я узнал бы в лицо этого фашиста...»⁴.

В суете отступления так и не было определено точное количество погибших, их имена и фамилии. Только 4 мая 2005 г. в селе Лычково был открыт мемориал «Детям, погибшим в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Официально о страшном происшествии практически ничего не было сказано. В газетах лишь скупо сообщили, что в Лычково подвергся неожиданному авиаудару эшелон с детьми.

Еще до начала войны, параллельно с разработкой захватнических планов, в Берлине были подготовлены детальные инструкции по осуществлению долговременной оккупации СССР, ее деиндустриализации, уничтожению крупных городов, сокращению численности населения. Предусматривались полное ограбление и разорение северо-западных областей Советского Союза сразу же после их захвата, исключая возможность возобновления там в дальнейшем активной хозяйственной деятельности⁵.

За годы Великой Отечественной войны в Ленинградской области было разрушено 20 городов, более трёх тысяч деревень. До войны население области составляло примерно 1,5 миллионов жителей. После войны осталось всего 420 тысяч⁶. Согласно акту Новгородской районной комиссии об итогах расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории района от 20 апреля 1945 г., немецкие войска полностью уничтожили жилые и хозяйственные постройки в Шолоховском, Никольском, Хутынском, Дубровском, Любецком, Котовицком сельсоветах, сожгли и уничтожили 96 сел и деревень. Из 8849 жилых домов уничтожено 5630, повреждено 1705 домов⁷.

Подобных трагедий можно вспомнить в Ленинградской области много: Лобаново, Арбузово, Аненское и др. В ходе боев все дома были разрушены до основания. Деревня Малые Павлицы была сожжена в феврале 1944 г. В деревне Подеста в феврале 1944 г. сожжены около 300 жителей⁸. *Даже спустя 75 лет список уничтоженных деревень уточняется, считают количество дворов, количество проживавших там людей.*

В протоколах Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств и злодеяний, совершенных финнами на территории поселка Песочный Парголовогского района Ленинградской области, имеются свидетельства проживавшей здесь Ковалевой Марии Ульяновны. В них сообщалось следующее: «Возвращаясь с работы 3 октября 1943 года, я попала под обстрел, который вели финны по нашему поселку. Подбегая к своему дому, я увидела своего сына Виктора 3 лет. Сын играл у дома и осколком снаряда ему ранило руку и грудную клетку. От полученных ран он скончался... Финны обстреливали наш поселок на протяжении всей войны, хотя никаких военных объектов ни в самом поселке, ни рядом с ним расположено не было»⁹.

Апофеозом нацистской репрессивной политики на оккупированных территориях стала система концентрационных лагерей. У фашистов были и детские лагеря. Каждый пятый узник концлагерей был ребёнком. Это более 1 миллиона детей. В Ленинградской области крупными концлагерями были: Гатчинский ДУЛАГ — 154 (до 100 тысяч человек), Лужский (до 17 тысяч), Рождественский (до 12 тысяч), Волосовский и Чудовский (до 8 тысяч)¹⁰. Печально знаменит Вырицкий детский лагерь. Эти, и более мелкие лагеря густой сетью покрывали Ленинградскую область. Их было более десятка, и в каждом содержалось от одной до пяти тысяч человек.

30 августа 1941 г. фашистские войска вошли в Вырицу — крупный поселок в Гатчинском районе Ленинградской области. Летом 1942 г. в Вырице на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики им. Володарского был создан детский концлагерь. Жестокость по отношению к на-

селению, в том числе женщинам и детям, предусматривалась в главных документах вермахта.

Кормили узников отвратительно: «Три раза в день выдавали похлебку, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшей конины. Было принято сначала съесть жидкость — это было первое, потом густоту — второе, а на третье сосали маленький кусочек хлебца, как конфетку»¹¹. Питание в лагерях не обеспечивало даже голодного существования. В лагерях давали по 200 гр. хлеба в день и по литру супа из картофельной шелухи и затхлой муки¹².

Фашисты не афишировали лагерь. Он проходил по официальным документам как детский приют, существовал чуть больше года и осуществлял сбор донорской крови для солдат вермахта. Ужасные условия жизни, повседневные побои, изнуряющая работа, недостаток пищи и медицинского обслуживания, и расстрел за малейшее непослушание. Репрессивные методы на оккупированных территориях были чудовищны, многие узники концлагерей были обречены на долгую и мучительную смерть от голода и холода. «Приют» просуществовал до конца 1943 г. Оккупационные власти насильно свозили туда детей из зоны ожесточенных боев Шлиссельбург—Мга.

Чтобы приблизиться к пониманию социально-психологической сущности явления военного детства, необходимо обратиться к воспоминаниям детей — узников концлагерей. Бывшая узница — Вера Андреевна Бордюкова сразу же после освобождения в январе 1944 г. вспоминала: «Мне никогда не забыть гатчинского концлагеря смерти, когда с четырьмя детьми была брошена туда в ноябре 1941 года. Там было уже около 1000 таких же мирных жителей, как и я. В ноябрьский день сидели мы под дождём и своим дыханием согревали детей. Люди на глазах умирали от голода, холода и нечеловеческих условий...»¹³.

«Баракы в лагерях были без стёкол, не отапливались, на нарах не было никаких подстилок, зимой заключённые замерзали, — сообщается в выписке из “Акта о злодеяниях, совершённых немецко-фашистскими захватчиками в городе Гатчине Ленинградской области в период временной оккупации”». В них содержались наряду со взрослыми маленькие дети и дряхлые старики¹⁴.

В период оккупации мирное население Ленинградской области массово угонялось на принудительные работы в Германию. Их имущество подвергалось разграблению и сжигалось. Массовый угон населения тыловых районов группы армий «Север» рассматривался как важнейшее средство укрепления тыла своих войск под Ленинградом. Фашисты проводили облавы на улицах, рынках, вокзалах, церквях, угрожали расстрелом родственников, организовывали ночные налеты на дома и квартиры. В каждом

населенном пункте велся учет рабочей силы (профессия, стаж, возраст, пол и пр.). Все граждане, отправляемые на работу в Германию, проходили медицинский осмотр. Колонны людей по 1000–1200 человек отправлялись на запад, из некоторых районов жителей вывозили железнодорожным транспортом. Из Гатчины, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тысяч человек¹⁵.

Насильственный увоз в Германию сопровождался невиданной жестокостью и зверскими расправами. Известны случаи, когда сжигались целые деревни с жителями из-за отказа отправиться в Германию. Самое памятное место — Большое Заречье. В октябре 1943 г. деревню сожгли фашисты.

Когда фашисты ворвались в деревню Ровняк Пожеревицкого района, они согнали крестьян на площадь и заявили, что те должны отправиться на работу в Германию. Крестьяне наотрез отказались ехать. Гитлеровцы схватили Александра Павлова, Ивана Тимофеева, 14-летнего Ивана Павлова, 12-летнего Александра Николаева и Николая Николаева и всех пятерых расстреляли. Остальных загнали в машины и увезли¹⁶.

Немецкий карательный отряд сжег деревню Сево Наверезского сельсовета Пожеревицкого района. Мирных жителей, пытавшихся выходить из горевших домов, каратели расстреливали в упор. В результате дикой расправы было убито и сожжено 86 мирных жителей деревни Сево, в том числе 27 женщин и 45 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет¹⁷.

Люди всякими способами старались избежать отправки в Германию, несмотря на то, что всякое сопротивление жестоко подавлялось. Достаточно активно в Ленинградской области действовали партизанские отряды. Партизаны проводили операции по спасению детей, переводили их в безопасные места, в тыл. В лесных лагерях даже были организованы школы. Дети писали: «Нас встретили очень хорошо, вымыли в бане, потом накормили. Дали печенья, молока, творога. Мы спим на койках с чистыми простынями...»¹⁸. В целом ленинградские партизаны спасли от угона в Германию около 400 тысяч мирных граждан¹⁹.

Особенно тяжело во время оккупации приходилось детям. Война отняла у них светлое и радостное детство. Их судьба во многом зависела от оккупантов: детей брали в заложники, дети были живым прикрытием в ходе военных операций, они вместе с родителями отправлялись в лагерь на территории Ленинградской области или за ее пределами. Большая часть детей была убита или угнана немцами в Германию. Оставшиеся в разрушенных городах и сёлах, становились беспризорными, обречёнными на голодную смерть. Дети войны, как могли, приближали Победу в меру своих, хоть и маленьких сил. Они хлебнули горя полной чашей, слишком большой для маленького человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванова И. А.* За блокадным кольцом: Воспоминания. СПб., 2010. С. 19.

² Там же. С. 24.

³ См.: *Барышников В. Н.* Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

⁴ *Федулов Д. Д.* Не забыть Лычково... // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 1. СПб., 2012. С. 114–123.

⁵ *Заставенко Г. Ф.* О роли германского министерства восточных оккупированных областей // Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 115–129.

⁶ Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны. Сборник архивных документов (1941–1944 гг.). СПб., 2015. С. 237.

⁷ «...И ничто не забыто». Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород, 1996. С. 58.

⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 942. Оп. 1. Д. 180. Л. 52.

⁹ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ГКУ ЛОГАВ). Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 141. Л. 20–20 об.

¹⁰ Там же. Ф. Р-4660. Оп. 3. Д. 35. Л. 11 об–12.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹² ГКУ ЛОГАВ. Ф. Р-1249. Оп. 1. Д. 169. Л. 79–85.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 9421, Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 107.

¹⁶ *Шевердалкин П. Р.* Зверства немецко-фашистских оккупантов на ленинградской земле // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М., 1965. С. 95–106.

¹⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5305. Л. 236.

¹⁸ Там же. Л. 239.

¹⁹ *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. Л., 1973. С. 301.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 93–102.

Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 1. СПб., «Остров», 2012. 223 с.

Иванова И. А. За блокадным кольцом: Воспоминания. — СПб.: ИПК «Вести», 2010. 640 с.

«...И ничто не забыто». Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944). Новгород: Кириллица, 1996. 189 с.

Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: Аст: Транзиткнига, 2004. 486 с.

Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны: Сборник архивных документов (1941–1944 гг.). СПб.: Аврора, 2015. 288 с.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1965. 388 с.

Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. Л.: Лениздат, 1973. 454 с.